

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПОЛЬШЕ В СВЯЗИ С НАСТУПЛЕНИЕМ ФАШИСТСКИХ АГРЕССОРОВ НА ЧЕХОСЛОВАКИЮ

М. Богуславский

Установившаяся после заключения польско-германского договора о ненападении (1934) «дружба» между Берлином и Варшавой находила в правящих классах США, Англии и Франции полное понимание и поддержку. Откровенный антисоветский сговор, положенный в основу польско-германской «дружбы», соответствовал планам англо-французских и американских реакционеров, которые сосредоточили все свои усилия на том, чтобы подтолкнуть Германию к войне против СССР. Учитывая благожелательное отношение своих западноевропейских и американских покровителей к планам агрессоров, польские фашисты отважились летом 1938 г. на открытое соучастие в разбойничьем гитлеровском походе против Чехословацкой республики. Встретив, однако, на этом пути решительное сопротивление широких народных масс Польши, они предприняли целый ряд мер для того, чтобы через свою агентуру в массовых политических партиях вовлечь эти партии в шовинистическую античехословацкую кампанию.

Польские правящие классы видели в расчленении Чехословакии один из шагов на пути к созданию великодержавной Польши. Они рассчитывали присоединить к Польше Тешинскую Силезию под предлогом «защиты» проживающих там поляков. Польская буржуазия, жестоко угнетавшая миллионы трудящихся украинцев, белоруссов, евреев, лицемерно заявляла о своём стремлении помочь словакам освободиться от «гнёта» чехов. Помогая словацким сепаратистам-глинковцам¹, она рассчитывала позднее прибрать к рукам расчленённую и ослабленную Чехословакию.

Действуя согласованно с гитлеровской пропагандой, подготавливая вмешательство во внутренние дела Чехословакии, польский фашизм провокационно заявлял, что Прага якобы стала «очагом коммунизма», который угрожает «безопасности» соседних государств. Польское правительство посылало Праге наглые ноты с претензиями по поводу деятельности чехословацкой компартии, польский официоз выступал с бесцеремонными заявлениями, что «либеральный и демократический строй Чехословакии противоречит элементарным национальным принципам и должен подвергнуться изменению»². Одновременно агентура польского правительства в Заользье развивала, по указаниям Варшавы, бурную античехословацкую деятельность.

Венгрия также выступала подручным гитлеровской Германии в походе против Чехословакии. Наступление венгерских и польских фашистов на Прагу составляло неотъемлемую часть той гигантской провокационной кампании, которую Гитлер развернул летом 1938 года. Варшава и Будапешт подкрепляли устрашающие вооружённые демонстрации германской армии и исступлённые речи фюрера. Провокационная деятельность участ-

¹ Партия словацкого гитлеровца, ксендза Андрея Глинки. В 1937 г. польское правительство наградило Глинку большой лентой ордена «Polonia Restytuta».

² «Gazeta Polska» от 2 июня 1938 года.

ников агрессии была полностью согласована. Дирижировал ею, разумеется, Берлин. Впоследствии Гитлер сравнивал действия Берлина, Будапешта и Варшавы с действиями сыгравшейся футбольной команды³.

Прогитлеровскую внешнюю политику пилсудчиков полностью поддерживало Стронництво народове (эндэки) — вторая партия польского фашизма. За спиной этих партий стояли подлинные хозяева страны — «Левиафан» (союз магнатов польской промышленности и финансового капитала), Союз помещиков, а также верхи католической церкви, экономическая мощь и политическое влияние которых в Польше были исключительно велики.

Часть польской буржуазии, главным образом средние её слои, высказывалась против внешнеполитического курса санации⁴. Учитывая общеизвестные антипольские вождедения гитлеровской «третьей империи», эта часть буржуазии считала весьма рискованным для Польши доверяться «дружбе» Гитлера и идти за ним на крупнейшие внешнеполитические авантюры. Так называемый Фронт Морж⁵, выступавший политическим представителем указанных буржуазных кругов, ратовал за ориентацию на англо-французских и стоящих за их спиной американских империалистов.

Отдавая дань настроениям широких масс польского народа, Сикорский, Стронский и другие деятели Фронта Морж высказывались за «противодействие» германскому наступлению на Чехословакию. Но различие во внешнеполитических установках Фронта Морж и польского фашизма не носило принципиального характера. Это было расхождение двух групп польской империалистической буржуазии в вопросе о том, на какие великие империалистические державы ориентироваться, чтобы сохранить панскую Польшу и сделать её великодержавной. Польские круги англо-французской ориентации не могли не видеть, что Лондон и Париж попустительствуют агрессорам и хотят лишь одного — полного сговора с последними. Отсюда понятно, почему на деле эти польские круги оказались скорее пособниками агрессоров, чем защитниками Чехословакии.

Генерал Сикорский и его соратники старательно обходили в своих выступлениях вопрос о роли Польши в начавшемся конфликте с Чехословакией. Говоря о союзниках Праги, Сикорский исключал из их числа Советский Союз. Хотя представление Сикорского об СССР претерпело некоторую положительную эволюцию, он оставался врагом рабоче-крестьянского государства и решительным противником допуска Советской Армии в «Европу». Помощь Чехословакии, по мнению Сикорского, должны были оказать Франция и Англия. Сикорский сам отмечал, что последние ищут сговора с Гитлером⁶, но предавался благим надеждам на то, что Париж и Лондон поймут размеры грозящей им опасности и откажутся от политики попустительства агрессорам⁷.

Под непосредственным идейным и организационным руководством деятелей из группы Падеревского находилась польская христианская демократия, основная часть которой вошла в организовавшееся весной 1938 г. Стронництво працы. Через Стронництво працы Фронт Морж оказывал влияние на определённые антинемецки настроенные клерикальные слои трудящихся и городской мелкой буржуазии в западных областях Польши.

³ «Документы министерства иностранных дел Германии». Вып. I, стр. 92. Госполитиздат. 1946.

⁴ Прозвище правящей клики пилсудчиков.

⁵ В Морж (Швейцария) проживал лидер группы, бывший премьер, Падеревский. Виднейшими соратниками Падеревского были: ген. Сикорский, ген. Галлер, Корфанты, редактор крупной буржуазной газеты «Kurjer Warszawski» Стронский и др., связанные с эндэцией и христианской демократией видные в прошлом деятели, отстранённые пилсудчиками от руководящей роли в Польше.

⁶ См. статью Сикорского в «Kurjer Warszawski» от 1 мая 1938 года.

⁷ См. там же его статьи от 22 мая и 31 июля 1938 года.

Античехословацкая кампания правящих классов Польши шла вразрез с волей и требованиями польского народа.

Польские коммунисты разоблачали перед народом антисоветский замысел, лежавший в основе политики Бека. Они указывали, что продолжение этой политики «должно закончиться утратой западных земель, утратой независимого существования Польши»⁸. Отмечая, что Англия отстывает, «лишь бы отвратить напор блока агрессоров от её колоний, направить его на восток, в первую очередь на СССР», коммунисты призывали к поддержке Чехословакии и мирной политики СССР, к объединению всех партий польских трудящихся в единый фронт для ликвидации режима «современных торговичан»⁹.

Левые социалисты Дюбуа, Барлицкий и др. — сторонники единого рабочего фронта и сотрудничества ППС с компартией — также выступали за поддержку Чехословакии. Они указывали, что в создавшихся условиях польские претензии на Тешинскую Силезию будут прямой поддержкой Гитлера и предательством интересов Польши¹⁰.

Призывы коммунистов и левых социалистов находили горячий отклик среди наиболее сознательных рабочих и крестьян. Первомайские демонстрации 1938 г. убедительно показали, что рабочий класс Польши стремится к созданию общенародного антифашистского фронта и одним из его главных требований является изменение внешней политики. Число участников демонстраций (1,5 млн. чел.) было наиболее внушительным за годы пилсудчины. В Варшаве демонстрировало 100 тыс. чел., в Лодзи — 75, в Кракове — 50, в Домбровском угольном бассейне — 70 тыс. и т. д. В Кракове и Лодзи к рабочим примкнули крупные делегации крестьян, прибывшие из близлежащих деревень.

Даже прогитлеровское помещицье «Слово» (2 мая 1938 г.) со злобой вынуждено было отметить, что демонстрации прошли с особым успехом, причём «раздавались крики в честь красной Испании, в защиту Чехословакии. Был сильно атакован союз с немцами и министр Бек». Другая фашистская газета сообщала о первомайской демонстрации во Львове: «Когда один из ораторов — украинский социалист — выступил с антисоветскими выпадами, поднялся такой шум, что он не мог закончить своей речи. Под конец демонстрации провозглашались лозунги в честь СССР»¹². Несмотря на репрессии со стороны полиции, такие выступления имели место и в ряде других городов, в том числе в Освенциме, где несколько демонстрантов было арестовано за возгласы «Да здравствует Сталин!»

О том, с какой непримиримой ненавистью к прогитлеровской политике правительства относился польский рабочий класс, красноречиво говорят хотя бы резолюции съезда горняков Польши, состоявшегося в июне 1938 г. в Сосновцах. В одной из них горняки требовали, чтобы правительство ликвидировало экономическое господство немцев в Верхней Силезии, национализировало принадлежащие немцам фабрики и заводы, передало земли немецких магнатов польским крестьянам. В специальной резолюции

⁸ Из тезисов варшавского комитета КПП к 1 мая 1938 года. Станиславский облархив министерства внутренних дел (СОА), ф. 2, д. SPP — 38(t)38.

⁹ Там же. Тарговичане — аристократы, предавшие Польшу иноземцам в XVIII веке.

¹⁰ Издававшийся краткое время левыми социалистами и коммунистами «Dziennik-rporolagnu» незадолго до закрытия газетой властями писал 18 февраля 1937 г.: «Безопасность Польши теснейшим образом связана с существованием независимой Чехословакии... Именно Варшава должна была бы поднять голос предостережения против всяких планов, угрожающих безопасности и целостности Чехословакии... Ясное дело, что принятие Польшей загользавской части Тешинской Силезии из рук Берлина ценою благожелательного нейтралитета в отношении указанного плана (гитлеровского. — М. Б.) было бы политической слепотой или чем-то ещё худшим». С помощью цитат из пражской печати газета давала понять, что СССР является оплотом мира в Восточной Европе.

¹² Цит. по журналу «Коммунистический интернационал» № 8 за 1938 г., стр. 83.

о внешней политике горняки писали: «Съезд, видя, как гитлеровская Германия, грозя миру войной, протягивает после захвата Австрии жадные руки к Чехословакии, требует от польского правительства смены политики в отношении гитлеровской Германии и отказа от неопределённой политики в отношении Чехословакии. Нужно быть слепым, чтобы не видеть и не понимать, что захват Чехословакии грозит непосредственной опасностью нападения Германии на Польшу»¹³. Однако социалистические руководители съезда протасили в резолюцию указание на «справедливость» польских требований к Чехословакии, а также упоминание о том, что Польша угрожает опасность и со стороны Советов. Эти два пункта, которые руководство ППС старательно вводило в резолюции собраний, проходивших под его влиянием, отражали всю порочность и предательский характер политики правых социалистов в чехословацком вопросе.

Демагогически указывая на гитлеровскую опасность, шовинисты из ППС в то же время полностью поддерживали притязания польского правительства к Чехословакии. Чтобы скрыть от трудящихся тот факт, что под флагом защиты польского населения Тешинской Силезии польский фашизм выполняет часть гитлеровского плана наступления на Чехословакию и ведёт дело к ликвидации чехословацкого государства, руководство ППС стало на путь отрицания связи между действиями польского правительства и походом Гитлера. Реакционные лидеры ППС, таким образом, дезорганизовали рабочий класс, толкали его к фактической поддержке польского фашизма, вместо борьбы с последним развращали трудящихся изощённой шовинистической пропагандой. В основу этой пропаганды были положены два насквозь лживых тезиса, заимствованных непосредственно у польского фашизма: 1. «Справедливость требует», чтобы вопрос о тешинских поляках был решён аналогично и одновременно с вопросом о судетских немцах. 2. Происходит «регулирование» давнишнего польско-чехословацкого спора без вмешательства «третьей» стороны.

Аналогичную линию в чехословацком вопросе проводило кулацкое руководство Стронництва людowego. Оно осуждало гитлеровское наступление на Чехословакию и вместе с тем полностью оправдывало польские притязания к Праге. Материалы польской полиции, содержащие характеристику людовского движения в 1938 г., убедительно показывают, что польское крестьянство в политическом отношении переросло своих официальных лидеров. Низы партии людовцев неоднократно пытались направить «вождей» на верный путь. Кулацкое руководство Стронництва людowego подвергалось резким атакам со стороны крестьян по двум кардинальнейшим в период лета и осени 1938 г. для людовского движения вопросам: о всеобщей крестьянской стачке и о поведении партии в чехословацком вопросе. Крестьянство требовало, чтобы Главный исполком (ГИК) Стронництва людowego без промедления выполнил решение Краковского съезда партии (февраль 1938 г.) о проведении всеобщей стачки под лозунгами ликвидации фашистского режима, коренного изменения внешней политики, облегчения катастрофически тяжёлого экономического положения трудящихся. Требования стачки и разрыва с прогитлеровской внешней политикой зачастую составляли всё содержание бесхитростных резолюций деревенских собраний, и эти же требования неизменно фигурировали в резолюциях уездных и воеводских съездов людовцев. Приведём типичную резолюцию воеводского съезда Стронництва людowego, состоявшегося в Кельцах: «Собравшиеся протестуют против внешней политики, которая велась до сих пор, в частности по отношению к Германии и Чехословакии. Интересы и безопасность Польши требуют сохранения независимой и свободной Чехословакии, ибо раздел её усилил бы нашего извечного врага — немцев. Поэтому мы требуем от наших официальных органов разъяснить обеспокоенному общественному мнению, на чьей стороне встанет

¹³ «Robotnik» от 2 июня 1938 года.

Польша в случае вооружённого германо-чехословацкого конфликта». Далее резолюция отмечала, что правительство попрежнему не собирается выполнять Новоселецкую программу¹⁴ крестьян, и «поэтому общий съезд делегатов Стронництва людowego в Кельцах требует от ГИК СЛ выполнения решений последнего съезда», т. е. объявления всеобщей стачки¹⁵.

В донесениях воевод министерству внутренних дел о ситуации на местах главное место с весны 1938 г. занимала информация о подготавливавшейся стачке¹⁶.

Руководители уездных организаций Стронництва людowego в один голос сообщали руководству партии, что крестьяне и местные организации людовцев ожидают сигнала к стачке не позднее 1 мая 1938 года. Лидерам Стронництва людowego было ясно, что движение решительно опрокинет проектируемые ими рамки. Поэтому Главный совет Стронництва людowego под разными предлогами уклонялся от объявления стачки, игнорируя требования, поступавшие на протяжении всего лета от тысяч крестьянских собраний и митингов, от уездных и воеводских съездов людовцев.

17 июля на окружной конференции Стронництва людowego в Кракове, где присутствовали руководители крестьянской партии, председатели уездных комитетов Стронництва людowego один за другим выступали с заявлениями, что «деревня требует начала кампаний», «нужно решиться на кампанию, поскольку этого требуют крестьяне», «нельзя далее тянуть» со стачкой и т. д. Однако под давлением лидеров партии конференция ограничивалась решением послать делегацию, «которая будет домогаться от властей выполнения требований СЛ»¹⁷. Участник конференции Мадейчик разъяснял потом людовцам Ясельского уезда, что против требования объявить стачку выступил на конференции один из лидеров Стронництва людowego, «Миколайчик, который в своей речи доказал, что стачка в данное время невозможна, и не потому, чтобы СЛ чувствовала себя не в силах её провести, а потому, что стачку использовали бы в своих целях коммунисты и коммунизированные элементы, группирующиеся в социалистических профсоюзках»¹⁸. Член исполкома Стронництва людowego кеёндз Панась подтвердил слова Мадейчика.

По мере того как решительное нежелание Главного совета начать забастовку становилось очевидным руководителям уездных организаций Стронництва людowego, они прекращали на своих совещаниях обсуждение вопросов, связанных с её подготовкой, и «обсуждали только вопрос о том, как отнестись к возможным выступлениям низов, если они будут выносить резолюции о стачке»¹⁹.

Между тем деревня ещё ждала от своих «вождей» выполнения решений людовского съезда. Ожидания крестьян теперь сконцентрировались вокруг даты 15 августа. Она значилась в календаре панской Польши как день крестьянских торжеств по случаю «победы над большевиками» в 1920 году. Крестьянам дата представлялась удобным предлогом для

¹⁴ Требования, предъявленные 150 тыс. крестьян диктатору Рыдзу в Новосельцах летом 1936 г., в том числе требование отказа от прогитлеровской внешней политики.

¹⁵ Бюллетень № 59 Келецкого воеводства от 5 июля 1938 года. Львовский облархив (ЛОА), ф. 117.

¹⁶ Бюллетени Келецкого, Люблинского, Львовского, Станиславского, Тернопольского и других воеводств за март—апрель 1938 года. ЛОА, ф. 117. Апрельские циркуляры министерства внутренних дел воеводам указывали, что правительством создана на территории Лодзинского, Варшавского и восточных воеводств специальная «антистачечная служба» из пехотных войск, авиации, сапёрных, радио- и других спецчастей (СОА, ф. 69, с. 38).

¹⁷ Бюллетень № 71 Краковского воеводства от 21 июля 1938 года. ЛОА, ф. 117.

¹⁸ Бюллетень Краковского воеводства от 29 июля 1938 года. ЛОА, ф. 117.

¹⁹ Из донесения старосты Тарнобрега Львовскому воеводству (2 августа 1938 г.) о заседании руководителей уездных комитетов Стронництва людowego в Тарнобреге, 22 июля 1938 года. ЛОА, ф. 117.

массовых собраний и демонстраций, которыми могла бы начаться всеобщая стачка. Ширился слух, что именно это обстоятельство решил использовать Главный совет Стронництва людового. Полиция отовсюду доносила, что крестьяне ждут лишь сигнала к стачке. Из Пшеворска уездный староста сообщал, что на секретном заседании местных руководителей людовой организации принято решение «начать 15 августа забастовку, не ожидая никаких распоряжений главных властей»²⁰. Во главе кампании за безотлагательное проведение стачки, доносил львовский воевода в Варшаву, стояли «коммунисты и симпатизирующие им» в среде людовцев²¹.

Между тем руководство Стронництва людового было озабочено лишь подысканием предлогов для оправдания нового отказа от выполнения крестьянских требований. Среди главных мотивов его капитулянтской тактики появилась (наряду с внушением людовцам, что не следует отвлекать силы и внимание крестьянства от ожидающихся осенью выборов местных самоуправлений) ссылка на внешнеполитические события. Один из руководящих деятелей Стронництва людового, Владислав Витек, на конференции председателей уездных комитетов Стронництва людового в Тарнове 22 июля 1938 г. следующим образом ответил на вопрос о том, «как ГИК СЛ относится к провозглашению крестьянской стачки в день 15 августа»: «ГИК СЛ стоит на той позиции, что пока не будут исчерпаны все возможные средства на легальном пути, не следует открыто высказываться за возбуждение стачечной кампании. К этой позиции ГИК СЛ вынуждают события международного характера. Стронництво людове не заинтересовано наносить вред государству, как целому». Поэтому провозглашение стачки 15 августа «следует считать несвоевременным». Витек призвал участников конференции «успокаивающе влиять на население, заверять членов СЛ, что ГИК непреднамеренно затягивает дело реализации решений съезда»²².

В циркуляре ГИК СЛ о подготовке ко дню 15 августа,²³ разосланном за подписью Миколайчика, подчёркивалось, что празднование должно носить характер траурной церемонии в память о погибших в войне 1920 г. и прошлогодней стачке. Указывалось, что «на демонстрациях не должно быть никаких транспарантов», т. е. политических лозунгов. Однако, как показывают донесения полиции, крестьянские собрания 14—15 августа в большинстве случаев приняли иное направление, чем хотели людовские лидеры. Как сообщал, например, министерству внутренних дел станиславский воевода в донесении от 22 августа 1938 г., на многочисленных собраниях в Томашовцах (800 участников), Галиче (400) и Рогатине (1000) крестьяне горячо и единодушно требовали, чтобы ГИК Стронництва людового выполнил решение Краковского съезда о стачке и непримиримо боролся за «народную Польшу»²⁴. О таких же собраниях сообщали и другие воеводы.

Уездная полиция Бжозова доносила львовскому воеводе после 15 августа: «Среди членов СЛ господствует большое недовольство в связи с непроезглашением крестьянской забастовки... В частности людовцы подозревают, что ГИК, если не подкуплен санацией, то, во всяком случае, заключил с санацией компромисс. Людовцы того мнения, что ГИК не сдал жизненного экзамена, ибо не использовал нынешнего, наиболее подходящего момента, чтобы добыть политические права для крестьян»²⁵. Аналогичного характера было донесение полиции Жешувского уезда²⁶.

²⁰ Бюллетень № 69 Львовского воеводства от 27 июля 1938 года. ЛОА, ф. 117.

²¹ Там же.

²² Бюллетень № 74 Краковского воеводства от 29 июля 1938 года. ЛОА, ф. 117.

²³ Бюллетень № 64 Львовского воеводства от 13 июля 1938 года. ЛОА, ф. 117.

²⁴ СОА, ф. 2.

²⁵ Бюллетень № 84 Львовского воеводства от 25 августа 1938 года. ЛОА, ф. 117.

²⁶ Бюллетень № 83 от 23 августа (там же).

Однако большинство крестьянства ещё верило своей партии. В месячном августовском обзоре политических настроений среди людовцев Львовского воеводство отмечало, что «партийные «низы» надеются» на объявление стачки в результате ближайших уездных конференций Стронництва людового²⁷. 21 августа на воеводской конференции людовцев в Гродно «все делегаты требовали исполнения решений Краковского съезда»²⁸.

В сентябре лидеры Стронництва людового подверглись ожесточённой атаке партийных «низов» в связи с развитием чехословацкого кризиса, который вызвал среди польского крестьянства живейший интерес и тревогу. Сентябрьские донесения воеводства министерству внутренних дел пестрели сообщениями такого рода: на конференции людовцев в Туховичах (уезд Луков) «собравшиеся высказались против вмешательства Польши в дела меньшинств в Чехословакии»²⁹. О том же говорили людовцы на собраниях в Пшендзеле (уезд Ниско), Лисово (Ясельский уезд), уездных центрах Пшеворск³⁰ и Живец³¹. В Стопницах на уездном съезде Стронництва людовец Пётр Павлина заявил, что Бек проводит «подлую» политику, в результате которой «Гитлер захватит Польшу... Подобную политику Польша проводила 150 лет назад и в результате погибла». В заключение Павлина подчеркнул, что «в случае вооружённого конфликта с Чехословакией крестьяне не должны идти на войну». Павлину поддержал Юзеф Маслянка. Показательно, что участвовавшие в собрании 150 людовцев именно этих двух ораторов избрали своими делегатами на всепольский съезд Стронництва людового. Собрание поручило им «внести на съезде предложение, чтобы Польша не участвовала в деле Чехословакии», ибо это «всаживает нож в спину» Чехословакии³². На чрезвычайном собрании людовцев, организованном львовским уездным правлением Стронництва людового 29 сентября, крестьянин Войдило и рабочий Ян Жечух, подвергнув резкой критике политику Бека, заявили, что из-за Заользанской Силезии нельзя помогать разделу Чехословакии. По предложению Войдило собрание поручило делегату Львовского уезда на предстоящем всепольском съезде Стронництва людового выступить с соответствующей критикой политики правительства³³.

Настроения широчайших масс не позволяли санации идти на риск захватнической войны с народами Чехословакии, которые польский народ считал братскими, несмотря на многолетнюю отравляющую античешскую пропаганду панов. Вместе с тем предательская политика руководства оппозиционных партий, имевших ещё большое влияние в массах, позволяла санации продолжать наступление на Чехословакию в союзе с Гитлером методами шантажа, провокаций, вооружённых угроз.

Обстановка искусственно раздутого шовинистического угара в связи с кампанией за присоединение Тешинской Силезии показала санации благоприятным моментом для того, чтобы попытаться увлечь часть народа лозунгами экспансии, расширить общественную базу режима, довести до конца его фашизацию, подготовить таким образом страну к открытому включению в «антикоминтерновский блок» и к антисоветскому походу. 13 сентября неожиданно для страны президент Мосьцицкий объявил о роспуске сейма и сената. Новые парламентские выборы назначались на ноябрь. Надежды санации на избирательный успех связывались с быстро приближавшейся «победой» над Чехословакией. Не случайно указ Мосьцицкого появился в дни, когда уже было известно, что английское правительство закончило «подготовку» к капитуляции перед Гитлером в чехо-

²⁷ Станиславский облархив, ф. 2, д. SPP-38(tj)38.

²⁸ Донесение Белостокского воеводства за август 1938 года. СОА, ф. 2, д. SPP-22(tj)38.

²⁹ Бюллетень № 60 Люблинского воеводства от 29 сентября 1938 года. Там же.

³⁰ Бюллетень № 95 Львовского воеводства от 27 сентября 1938 года. ЛОА, ф. 117.

³¹ Бюллетень № 99 Краковского воеводства от 29 сентября 1938 года. Там же.

³² Бюллетень № 73 Келецкого воеводства от 30 сентября 1938 года. Там же.

³³ Бюллетень № 98 Львовского воеводства от 9 октября 1938 года. Там же.

словацком вопросе. «Times» засвидетельствовала этот факт 7 сентября статьёй, в которой рекомендовала не откладывать далее удовлетворение немецких притязаний на Судеты. Было уже известно, что аналогичные «выводы» везёт из Праги Ренсимен, с успехом выполнивший миссию, порученную ему Чемберленом.

15 сентября, когда Чемберлен отправился в Берхтесгаден на свидание с Гитлером, все участники игры, начиная с самого премьера, знали, что целью поездки является предательство Чехословакии. В результате дружных усилий Гитлера, Чемберлена и Даладьё широкие круги населения Западной Европы были уже запуганы и в должной мере обработаны пропагандой, чтобы воспринять очередную позорную капитуляцию Англии и Франции перед Гитлером как «спасение мира». 22 сентября Чемберлен прилетел к Гитлеру в Годесберг, чтобы сообщить, что английское и французское правительства добились от Праги согласия отдать Судетскую область Германии. Однако «фюрер» выдвинул новые условия для «окончательного» соглашения. Он требовал удовлетворения территориальных притязаний Венгрии и Польши, а также немедленной эвакуации Судетов. Чемберлен был вынужден просить краткой отсрочки для получения согласия Парижа и Праги. Унизительное, заискивающее поведение премьера не оставляло сомнений в том, что он употребит весь авторитет Британской империи, чтобы добыть для Гитлера указанное согласие.

Античехословацкая кампания польских фашистов в Тешинской Силезии и Польше достигла невиданного размаха. Санация пыталась облегчить Гитлеру наступление на Прагу и с другой стороны. В дополнение к вызывающим военным приготовлениям на границе с Чехословакией польское правительство организовало «большие маневры» на Вольни. Правительственная печать сообщала, что в ходе маневров «красные» войска, наступающие с востока на «голубых», потерпели поражение... Эта крупная военная демонстрация на советской границе должна была, по мнению польского правительства, произвести впечатление на СССР и предупредить его выступление в защиту Чехословакии.

Однако советское правительство, как известно, сообщило Чехословакии о своей готовности прийти на помощь. Советский Союз сделал также попытку предостеречь польское правительство и увести его с того гибельного пути, на который оно влекло польский народ. Советская нота от 23 сентября предупреждала Варшаву, что в случае неспровоцированного вторжения польских войск в Чехословакию Советский Союз будет считать польско-советский пакт о ненападении утратившим силу³⁴. Санация ответила на эту ноту спесиво³⁵. Её газеты разразились злобными воплями: «Советы и Чехия провоцируют войну!»³⁶. Тем не менее советское предупреждение, несомненно, подействовало охлаждающим образом на польское правительство. В Бельведере решили пока не рисковать. В то же время польские империалисты не колебались в своём намерении следовать за Гитлером до конца и сознательно закрывали глаза на изменения в польско-немецких отношениях, полные самого зловещего смысла.

В Германии резко возросли притеснения польского меньшинства. Началась ликвидация немногих оставшихся там польских школ и общественных организаций. Польские рабочие выживались из промышленности, а крестьяне — с земли. Нацистская пропаганда всё наглее заявляла о необходимости пересмотра восточных границ Германии. Как официальные пособия партии нацистов издавались сочинения, трактовавшие о «бессмысленности» отделения от Германии Данцига, Коридора и Верхней Силезии, а также карты, на которых эти области были показаны в составе Германии. В Данциге гитлеровцы изгнали поляков из фолькстага, ввели зако-

³⁴ «Известия» от 26 сентября 1938 года.

³⁵ См. там же.

³⁶ «Gazeta Polska» от 24 сентября 1938 года.

ны и порядки «райха» в местной школе, печати и учреждениях. Они довели численность своей армии в «Вольном городе» до 17 тыс. чел. и открыто строили казармы для новых войск и газозубежища, а в окрестностях — форты³⁷. Издевательства над поляками и избивание их нацистами стали в Данциге обычным явлением.

Наиболее, пожалуй, симптоматичной была деятельность немецких националистических организаций в Польше, к этому времени сплюсн гитлеризированных. Тут воспроизводилась та же тактика, которая была применена гитлеровцами в Судетской области. Летом 1938 г., одновременно с развитием чехословацких событий, поведение польских немцев начало приобретать вызывающе враждебный характер по отношению к полякам. Такое поведение вдохновлялось не только успехами судето-немецкой партии, но и прямыми указаниями Берлина. В соответствии с планами «форера» начиналась подготовка следующей за Чехословакией жертвы.

11 сентября 1938 г. на Быдгощском съезде «Deutsche Vereinigung» — одной из старейших основных немецких организаций в Польше — руководитель этой партии Конерт выдвинул требование объединения всех немцев в Польше в единую политическую организацию, которая стала бы автономной национальной организацией. «Мы вступаем в новый раздел истории немцев в Польше... — говорил Конерт. — Для нас, немцев в Польше, существует одна цель: работать всеми средствами над сохранением и расширением нашего немецкого жизненного пространства»³⁸.

В западных воеводствах росло число провокаций гитлеровских молодчиков.

Польская общественность требовала, чтобы правительство приняло меры для защиты прав, чести и безопасности польского государства. В разгар сотрудничества Бека с Берлином, в августе 1938 г., по всей Польше прокатилась волна бурных антигерманских выступлений, поводом к которым послужили очередные издевательства гитлеровцев над поляками в Данциге и Польше. 20 августа, во время антинемецкой демонстрации в Гдыне, поляки сожгли на городской площади немецкие газеты, отображенные в киосках. В антигерманской демонстрации 21 августа в Торне участвовало 10 тыс. человек³⁹. Под непосредственным впечатлением волны антигерманских выступлений германский посол в Варшаве Мольтке 2 сентября написал Риббентропу донесение⁴⁰, которое свидетельствует о том, насколько изолированным было в своём антинародном, прогитлеровском курсе правительство санации. «Отношение польской печати и других факторов польской общественности к Германии, — писал он, — за последнее время явно ухудшилось», причём польское правительство не решаетея или не может прекратить антигерманские выступления в печати и «повторяющиеся возбуждающие демонстрации в городах западных областей... Из сего явствует, — заключал германский посол, — что политика Бека в настоящее время ещё менее популярна, чем прежде, и что министр иностранных дел сам вынужден держать себя сдержанно... Господин Бек не оспаривает, что положение безотраднo», но считает, что лучше не обострять его репрессиями. «Иногда лучше открыть клапан», — говорил Бек германскому послу, заверяя его, что польское правительство не поддастся «нервозности общественного мнения», «а будет держаться старой политической линии».

Действительно, санация делала всё возможное, чтобы довести свою антинациональную политику до конца. Правительство Складковского — Бека принимало все меры, чтобы подавить возмущение общественности и

³⁷ «Правда» от 6 августа 1938 года.

³⁸ Цит. по книге Winiewicz J. «Mobilizacja sie niemieckich w Polsce», S. 193. Warszawa. 1939.

³⁹ «Правда» от 23 августа 1938 года.

⁴⁰ «Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges». Berlin. 1939. Auswärtiges Amt, N2, S. 79—80.

не допустить антигерманских демонстраций. Цензура и полицейские власти действовали в этом направлении со всей энергией по прямым директивам министерства внутренних дел.

Тем временем наступление фашистов на Прагу достигло апогея. В Варшаве развернул шумную деятельность комитет по вербовке добровольцев в корпус вторжения в Чехословакию. За отказ стать «добровольцем» грозило лишение работы. Массами распространялись листовки с требованием отторжения Тешина. 25 сентября отряд поляков перешёл границу и вёл двухчасовой бой на чехословацкой территории. В ночь на 26-е поляки совершили налёт на чехословацкую станцию Фриштат. Польские самолёты ежедневно нарушали чехословацкую границу. Польское правительство заявляло Праге наглые «протесты» в связи с им же организованными «инцидентами». Железнодорожное сообщение между Польшей и Чехословакией прекратилось⁴¹.

29 сентября 1938 г. в Мюнхене началась конференция четырёх держав, представленных Гитлером, Муссолини, Чемберленом и Даладье, которые собрались для разрешения чехословацкой проблемы. Решения Мюнхенской конференции завершали англо-французскую политику «умиротворения» агрессоров на почве антисоветского сговора. Гитлеру и Муссолини не пришлось много уговаривать представителей Англии и Франции. Последние жаждали лишь услышать ещё раз от фашистских диктаторов заверения, что дальнейшая экспансия «оси» не направится на Запад. На этом условии Чемберлен и Даладье готовы были предать не одну Чехословакию... Ходатайство Гитлера за Венгрию и Польшу, которые явно рвались к соучастию в восточном походе Гитлера, встретило полное понимание со стороны премьеров Англии и Франции.

Мюнхенское соглашение, подписанное в ночь на 30 сентября, предусматривало немедленное удовлетворение всех территориальных претензий Германии. В «Приложениях» к соглашению было записано, что «если в течение ближайших трёх месяцев не будет между заинтересованными правительствами урегулирована, посредством соглашения, проблема польского и венгерского меньшинства в Чехословакии, то эта проблема станет предметом обсуждения следующего совещания четырёх присутствующих здесь глав правительств четырёх держав». Только после «урегулирования» проблемы Чехословакия получит от Германии, Италии, Англии и Франции гарантии своих границ⁴². Эта формула облекала в благочестивый вид согласие Чемберлена и Даладье на удовлетворение всех требований польских и венгерских приспешников Гитлера. Принципиально оговаривая необходимость удовлетворения территориальных претензий Польши и Венгрии, мюнхенское соглашение полностью развязывало руки последним. Между строками «Приложений» читалось совершенно недвусмысленное предупреждение Праге, что на стороне Будапешта и Варшавы, кроме Гитлера и Муссолини, стоят также Чемберлен и Даладье.

Венгерское и польское правительства немедленно использовали замаскированную рекомендацию великих держав к действию. На исходе того же дня, как стало известно о мюнхенском соглашении, 30 сентября, польский посланник в Праге Папе вручил чехословацкому министру иностранных дел Крофта ультиматум своего правительства с предложением немедленно передать Польше Тешинскую Силезию и некоторые другие районы. Польское население во многих из этих мест составляло менее 25 процентов. Ультиматум предлагал позднее провести в некоторых районах плебисцит, но уже в условиях польской оккупа-

⁴¹ «Правда» от 24, 25, 26 сентября 1938 года.

⁴² «Правда» от 1 октября 1938 года.

нии и без международного контроля. Срок ультиматума истекал в 12 часов дня 1 октября, после чего, как заявлялось в нём, польская армия начнёт оккупацию указанной территории⁴³.

Польские империалисты добились своего: утром 1 октября Прага сообщила о согласии удовлетворить польские требования. 2 октября польские войска перешли чехословацкую границу. Таким образом, польское правительство стало соучастником гитлеровской Германии в разбойничьем дележе и ограблении Чехословакии.

«Тешинская победа» была прямым продолжением мюнхенской сделки. Не удивительно, что правительственная пропаганда одновременно превозносила дипломатические таланты «фюрера» и Бека. Плоды мюнхенского соглашения и «Тешинской победы» изображались санацией в самом розовом, с точки зрения польских империалистов, свете. «Мюнхен», подчёркивал виднейший обозреватель официоза Смогоржевский, — это «исключение Советов из европейского континента» и поражение советской политики организации коллективной безопасности. Автор отмечал «солидность» английской политики и «конструктивную роль» Италии⁴⁴. Особенно увивался польский официоз тем «естественным» обстоятельством, что, как показал «Мюнхен», «правительства буржуазных демократий могут легче договориться с фашизмом, чем с коммунизмом». Этого, писал он, «не следует забывать»⁴⁵.

Мало того, что правители Польши открыто восторгались достигнутым в Мюнхене антисоветским сговором: они вместе с тем недвусмысленно давали понять, что тезис «Советы исключены из Европы» означает для Польши мир лишь с её западной, «европейской» стороны, но отнюдь не мир вообще. «Как раз наоборот, — писала «Газета Польска» 9 октября 1938 г., — открытая перед нами дорога к державной, руководящей роли в нашей части Европы требует в ближайшее время огромных усилий и разрешения неимоверно трудных задач». Столь же прозрачно говорил о связи великодержавных, захватнических планов санации с мюнхенским сговором один из ближайших соратников Бека, польский посол в Париже, Лукасевич, выступивший со специальной книжкой на тему об итогах «Мюнхена». Раздел Чехословакии, указывал Лукасевич, — это для Польши лишь начало. «Тешинская победа — это новый этап исторического похода Польши Пилсудского во всё лучшее, хотя, может быть, и не более лёгкое будущее»⁴⁶. В писанине Лукасевича нашла яркое выражение та великодержавная спесь, которая обуяла польских панов после «Тешинской победы». Он так и назвал свою книжку: «Польша является державой».

Подчёркивая роль Бека в «Тешинской победе» и надежды правящих классов на его предстоящие заслуги, правительство торжественно вручило своему министру иностранных дел орден «Белого орла».

С особым восторгом встретили «Мюнхен» и «Тешинскую победу» самые авантюристические элементы санации, так называемые младопилсудчики, группировавшиеся вокруг журналов «Польская мысль», «Политика» и т. п. Они рассматривали разыгравшиеся события как один из заключительных этапов практической подготовки антисоветского похода. В своей книжке «Перед лицом событий», изданной в начале 1939 г.⁴⁷, ведущий публицист этой группы Бончковский выразил сокровенные чаяния польского фашизма. Младопилсудчики не считали нужным обманывать кого-либо фразами о том, что «Мюнхен» послужит делу мира. Мюнхенские события показали, с торжеством констатировал Бончковский, победу «насильственных тенденций, волонता-

⁴³ «Правда» от 2 октября 1938 года.

⁴⁴ «Gazeta Polska» от 1 октября 1938 года.

⁴⁵ Там же, от 8 октября 1938 года.

⁴⁶ Lukaszewicz J. «Polska jest mocnarstwem», str. 62—63. Warszawa 1939.

⁴⁷ Wojczkowski W. «W obliczu wydarzen». Wyd. «Myśl Polska», 1939.

ристских решений, из-за которых всё чаще выглядывает лицо бога войны»⁴⁸. Автор указывал на тяготение национальных меньшинств и польской левицы к СССР и открыто связывал план антисоветского похода с делом подавления революционного и демократического движения в Польше. «Именно поэтому,— писал он,— восточное направление активизма так спешно и важно. Оно является направлением борьбы не только с историческим врагом Польши, но и с внутренней гидрой иностранного влияния и разложения»⁴⁹. Чтобы ускорить организацию похода на СССР в союзе с немцами, Бончковский предлагал создать правительственную военную партию, которая должна действовать, «бросив всё на весы завтрашних побед и устраняя с пути всё, что могло бы сколько-нибудь уменьшить эти победы»⁵⁰.

Галицийские помещики также были упоены «Тешинской победой». «Czas» (3.X.1938) рекомендовал Стронництву народоному признать, что Бек «хорошо выбирает пути, ведущие к мощи государства», и придти к единству с правящим лагерем.

Рьяные застрельщики польско-германской «дружбы», виленские помещики были по-своему «недовольны» итогами «Мюнхена». Они опасались, что Германия, которая усиливается гораздо больше, чем Польша, в конечном счёте станет третировать Варшаву и последней придётся довольствоваться третьестепенной ролью, а значит, и небольшой частью добычи в предстоящем крестовом антисоветском походе. Подхлёстывая незадачливого, по их мнению, министра иностранных дел, земельные магнаты требовали, чтобы Бек компенсировал разницу между германской и польской долями чехословацкой добычи «хотя бы» достижением общей границы с Венгрией.

В лагере народовцев «Тешинская победа» санации нашла полное признание. Чехословакия, заявляя они, сама виновна в постигшей её судьбе⁵¹. «Вышло наилучшим образом» для Польши, что дело обошлось без войны «в момент, когда возникают шансы на привлечение Чехии к системе нашей великодержавной политики»⁵². Утверждая, что отныне только от «выбора» Праги зависит начало эры польско-чешской «дружбы и взаимного доверия»⁵³, народовцы недвусмысленно давали понять, что этот «выбор» должен означать установление польского протектората над Чехией и Словакией. Польша должна стать «единственно реальным гарантом независимости» Чехословакии, «излечённой от масонско-демократических иллюзий, оставленной всеми союзниками»⁵⁴. Первыми условиями этого великодушного покровительства Польши народовцы выдвигали уход Бенеша в отставку, создание в Праге правительства «без масонов и коммунистов»⁵⁵ и передачу Закарпатской Украины венграм⁵⁶.

Демагогически отдавая дань растущей в народе и в самом Стронництве народоном тревоге перед германской опасностью, «вожди» народовцев высказывали «подозрения» насчёт ближайших планов Берлина. Кстати, «антинемецкая» фразеология была призвана создавать видимость некоторого приличествующего «оппозиционной» партии отличия внешнеполитической линии эндеков от политики правящего лагеря. На деле же подозрительность «вождей» эндеков Белецкого, Козицкого, Ковальского, Гертиха и др. — поклонников Гитлера — сводилась к тому, как бы «фюрер» не обошёлся без Польши при нападении на СССР.

⁴⁸ Воґњ с z k o w s k i W. «W obliczu wydarzeń». Wyd «Mysl Polska», стр. 7.

⁴⁹ Там же, стр. 19.

⁵⁰ Там же, стр. 9.

⁵¹ «Warszawski Dziennik Narodowy» от 2 октября 1938 года.

⁵² «Merkerjurz Polski» от 9 октября 1938 г., стр. 1258.

⁵³ «Warszawski Dziennik Narodowy» от 3 октября 1938 года.

⁵⁴ «Merkurjurz Polski» от 2 октября 1938 г., стр. 1229.

⁵⁵ Там же, от 9 октября, стр. 1260.

⁵⁶ См. «Warszawski Dziennik Narodowy» от 10 октября 1938 года.

Это существо внешнеполитической деятельности Стронництва народного со всей откровенностью было изложено в одном из номеров ведущего журнала эндеков. Теперь, после мюнхенской победы, писал этот журнал, «немцы будут стремиться к открытию себе дороги на Восток, на Украину, через Венгрию и Румынию, исходным пунктом к чему будет для них захват господства над Чехией... Если им это удастся, они не будут уже нуждаться в Польше как в единственном пути на СССР. Самое большое, они нам тогда предложат участие в походе на Восток». Нашей задачей, заявлял автор статьи, является не допустить «низведения» Польши до такой второстепенной роли⁵⁷.

Таким образом, обе партии польского фашизма и примыкавшие к ним политические группы, по существу, сходились в оценке итогов «Мюнхена». Антисоветский сговор, состоявшийся в Мюнхене, искупал в их глазах «недостаточность» «Тешинской победы». «Советы парализованы. Советы перестали что-либо значить в Средней Европе»⁵⁸, торжествовали польские фашисты. Остаётся закончить «перестройку» Средней Европы, отхватив при этом у союзников-гитлеровцев как можно большую долю Чехословакии, чтобы затем вместе с ними приняться за «Восток».

Империалистический восторг в связи с захватом Тешинской Силезии и удовлетворение антисоветской направленностью мюнхенского соглашения были господствующими чувствами и у польской буржуазии англо-французской ориентации. В кругах Фронта Морж после мюнхенского соглашения не столько говорили об усилившейся германской опасности, сколько о том, что Берлин, мол, недопонимает интересы «общего» дела «упорядочения Средней Европы», а именно тормозит разрешение вопроса о создании польско-венгерской границы, которая «укрепит антибольшевистский вал»⁵⁹. Буржуазные лидеры Стронництва працы внушали антинемецки настроенной общественности, что польско-венгерский союз явится оборонительным по отношению к Германии⁶⁰. Однако план союза с Венгрией требовал общей границы с нею, а лидеры Стронництва працы понимали, что если они поддержат требование польского фашизма об установлении такой границы путём передачи венграм части Чехословакии, то безнадежно скомпрометируют себя как проповедники «славянской дружбы». Задача была решена довольно просто. Они рекомендовали демократической Чехословакии «спастись» от немцев и заодно проявить чувство славянской солидарности... полностью отдавшись фашистской Польше⁶¹. Именно такую «братскую дружбу» предлагали Праге и польские фашисты. Планы создания польско-венгерско-итальянского союза против Германии не имели под собой реального основания. Реальностью была поддержка Стронництвом працы «Тешинской победы»

⁵⁷ «Merkurjusz Polski» от 2 октября 1938 г., стр. 1236—1237.

⁵⁸ Там же, от 9 октября, стр. 1261.

⁵⁹ «Kurjer Warszawski» от 21 октября 1938 года.

⁶⁰ «В нынешней ситуации,—писал журнал Стронництва працы «Zwórot» № 38, 16 октября 1938 г.,— тормозом, который мог бы задержать немецкий напор, стремящийся к балканизации Средней Европы, являются Польша и Венгрия, совершенно недвусмысленно поддерживаемые Италией Муссолини».

⁶¹ «Если мы мечтаем о формировании когда-нибудь блока малых государств под нашим руководством,— писала «Polonia»,— то будем помнить, что обозлили бы чехов и толкнули бы их в объятия Германии, если бы одобряли, например, идею отдачи Словакии венграм. Следовательно, не будем делать ошибок. Чехи могли отдать Богумин Германии, однако отдали его — на два дня раньше — нам. Это факт мелкий, но характерный, позволяющий верить, что чехи не забудут, что мы являемся славянами» (цит. по «Robotnik» от 21 октября 1938 года). Заметим, что лживое указание о Богумине, нередко повторявшееся польскими империалистами, пушено было ими в ход, чтобы оправдать захват этого города до срока, первоначально ими же установленного (см. «Известия» от 11 октября 1938 года).

и послеюнхенских захватнических вождедений польского фашизма по отношению к Чехословакии.

Таковы были результаты политики, основанной на шовинизме. Естественно, что к этим же результатам пришли шовинисты из ППС и Стронництва людowego.

В дни, когда решалась судьба Чехословакии, неразрывно связанная с судьбой самой Польши, исполком Стронництва людowego принял позорное решение: отложить в связи с международной ситуацией съезд партии, назначенный на 2 октября⁶². Принимая это решение, лидеры крестьянской партии, как они сами потом разъясняли, исходили из желания предоставить правительству в критический период полную свободу действий и, таким образом, помочь ему. Съезд, который руководство Стронництва людowego имело смелость назвать «чрезвычайным», открылся в Варшаве 9 октября 1938 года.

Начиная со вступительной речи Грушки, заявившего, что «основной целью чрезвычайного съезда является принятие решения по вопросу об участии крестьян в выборах»⁶³, лидеры Стронництва людowego прилагали все усилия к тому, чтобы увести съезд от решающих вопросов общей политики партии и прежде всего увильнуть от атаки представителей крестьянства по вопросу о стачке. Руководитель партии «Ратай,— по словам полицейского донесения,— решительно воспротивился нажиму собравшихся делегатов насчёт объявления крестьянской стачки, мотивируя своё решение неясной и весьма серьёзной международной ситуацией и подчёркивая, что людowцы, как хорошие граждане отечества, не должны в это время устраивать осложнения в государстве»⁶⁴. Одним из мотивов промедления со стачкой Ратай лицемерно выдвинул... свою заботу о крестьянах. «Я предпочёл бы прыгнуть с четвёртого этажа,— заявил он,— нежели допустить, чтобы пролилась кровь польского крестьянина»⁶⁵.

О том, как съезд реагировал на демагогические доводы «вождей» Стронництва людowego, достаточно красноречиво и, без сомнения, объективно повествует одно из полицейских донесений: «После речи Ратая начались прения, во время которых остро выступали против Ратая; его обвиняли в трусости и неспособности выполнить решения Краковского съезда в отношении крестьянской стачки, требовали немедленной отставки его с поста председателя, если он болен или трус, и указывали, что если он уйдёт, то решения Краковского съезда будут выполнены»⁶⁶. Особенно резко критиковали трусливую политику руководителей и требовали решительных действий делегации центральных воеводств Польши, а также молодёжь⁶⁷. «Настроение участников съезда,— по свидетельству полиции,— было весьма приподнятым»⁶⁸. Однако «вождям» удалось в конечном счёте и на этот раз повести съезд за собой. Выступившие на поддержку Ратая Ладось и Миколайчик помогли исполкому «утихомирить умы собравшихся в отношении объявления стачки, в результате чего собравшиеся согласились на отсрочку... стачки»⁶⁹, предложенную резолюцией Миколайчика.

⁶² Циркуляры о перенесении съезда были разосланы окружными комитетами Стронництва людowego 27 сентября 1938 года. ЛОА, ф. 117.

⁶³ Бюллетень № 99 Львовского воеводства от 14 октября 1938 года. ЛОА, ф. 117.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Бюллетени № 99—101 Львовского воеводства от 14, 17 и 19 октября 1938 года.

⁶⁸ Бюллетень № 99 (там же).

⁶⁹ Там же.

Лидеры Стронництва людowego провели по внешнеполитическим вопросам резолюции⁷⁰, не содержавшие ни слова осуждения внешней политики санации. Негодование крестьянства по поводу этой политики было искусно направлено в русло ненависти к гитлеризму. Рядом с выражением «радости» по поводу «возвращения» Заользанской Силезии в резолюции посылались «привет и слова утешения» полякам в Германии. Ксёндз Панась сделал съезду доклад об антиславянских планах Гитлера и «в связи с этим подверг острой критике личность Гитлера»⁷¹. Но для политики Бека у лидеров Стронництва людowego слов критики не нашлось. Резолюция о международной ситуации заканчивалась словами: «Это положение вещей требует от Польши особой бдительности и использования периода временного успокоения для укрепления сил государства и его обороноспособности». Этими словами лидеры Стронництва людowego оправдывали в последующее время свой отказ от борьбы с режимом, ссылаясь на интересы национальной обороны.

Победа кулацкого руководства Стронництва людowego над съездом крестьянских представителей была, по существу, пирровой победой. Варшавский съезд показал огромное недовольство и недоверие людowych низов по отношению к руководству. Половинчатые, туманные, соглашательские варшавские резолюции не могли выдержать испытания при столкновении с жизненными и безотлагательными нуждами и чаяниями польского крестьянства. Это показали уже первые дни после съезда.

Хотя съезд приветствовал присоединение Заользанской Силезии к Польше, докладывал на собрании людowych своего уезда об итогах Варшавского съезда председатель Колбушовского уездного комитета Стронництва людowego Стефан Ольшовы, «но, по-моему, вопрос этот разрешён не вовремя и вместе с немцами, что ведёт Польшу к охлаждению отношений с Францией и Советской Россией». Теперь следует ждать, «что Гитлер вскоре посягнёт на Поморье и Данциг»⁷². Так же, как Ольшовы, говорили сотни активных членов и местных руководителей людовского движения. В этих трезвых выступлениях проявилось чувство стыда за «Тешинскую победу», которое переживала огромная часть трудового народа Польши, подлинно патриотическая и демократическая польская общественность.

Если более отсталые слои польского крестьянства ещё не разбирались в позорном и губительном существе «Тешинской победы», то по вопросу о всеобщей стачке у основной массы крестьян не было двух мнений. «Не проходит дня, — сообщал инструктор келецкого воеводского комитета Стронництва людowego, Бенек, на одном из заседаний людowych после съезда, — чтобы в секретариат воеводского комитета СЛ не приходили письма от уездных правлений и даже от отдельных членов СЛ с вопросом о том, когда будет объявлена крестьянская стачка»⁷³. Весьма показательно, что докладчики об итогах съезда не решились на местах сообщить крестьянам правду о бессодержательной резолюции, принятой в Варшаве по вопросу о стачке. Как правило, они излагали слушателям этот вопрос таким образом, будто съезд принял конкретное решение о стачке, разработаны практические мероприятия для её начала, и не позднее выборов в сейм стачка будет объявлена⁷⁴. Но было уже очевидно, что приближается

⁷⁰ Бюллетень № 99 Львовского воеводства от 14 октября 1938 года. ЛОА, ф. 117. В печать цензура пропустила лишь небольшую часть резолюций.

⁷¹ Там же.

⁷² Бюллетень № 100 Львовского воеводства от 17 октября 1938 года. ЛОА, ф. 117.

⁷³ Бюллетень № 75 Келецкого воеводства от 18 октября 1938 года. ЛОА, ф. 117.

⁷⁴ См. бюллетени №№ 103—104 Краковского воеводства от 14 и 16 октября; № 99 Львовского воеводства от 14 октября; № 63 Люблинского воеводства от 19 октября 1938 г. в др. ЛОА, ф. 117.

час полного разоблачения и банкротства соглашателей и предателей, овладевших руководством крестьянской партии.

Политика правых социалистов в мюнхенских событиях была такой же предательской по отношению к интересам польского народа, как политика лидеров Стронництва людowego. Руководство ППС говорило о чудовищных агрессивных аппетитах германского империализма и о растущей угрозе с его стороны польской независимости. Однако оно продолжало занимать враждебную позицию по отношению к союзу Польши с СССР — самым естественным и к тому же единственно реальным для Польши союзником против Германии. Характерно, что в 1938 г., и до самого краха санационной Польши, в период, когда вопрос о том, идти ли с Гитлером на СССР, открыто дебатировался в стране, лидеры ППС никогда не мотивировали свои заявления об отрицательном отношении к такому походу принципиальным осуждением войны против СССР. Они указывали только на то, что победа в коалиции с Гитлером грозит Польше потерей собственной независимости, иными словами, что Гитлер — неподходящий партнёр для антисоветских операций⁷⁵. Следуя своей антисоветской установке, лидеры ППС не могли и не хотели показать главную идею мюнхенцев, возглавлявшихся Чемберленом, — идею поощрения германского похода на СССР⁷⁶. Они тем самым закрывали себе и польскому народу глаза на то, что Чемберлен и К° не только не задумаются предать, вслед за Чехословакией, Польшу, но что англо-французская и американская реакция уже фактически встала на этот путь. Лидеры ППС усыпляли польский рабочий класс, польскую общественность внушением надежд на спасительный поворот в политике западных держав.

В критические дни сентябрьского кризиса 1938 г. было опубликовано решение Главного совета ППС о международном положении. Резолюция указывала, что если Лондон и Париж не опомнятся, Польше остаётся рассчитывать только на свои силы. Польско-чехословацкий конфликт резолюция объявляла необходимым «урегулированием» спорного вопроса «без вмешательства третьей стороны»⁷⁷. Посвящая целую страницу маневрам польской армии на Волыни — этой откровеннейшей антисоветской демонстрации польских империалистов, — центральный орган ППС «Роботник» включался в пропаганду санации и объявлял маневры «подготовкой в защите страны»⁷⁸.

Правые социалисты приветствовали «Тешинскую победу» польского империализма. Больше того, они рекомендовали чехословацкой демократии, в порядке выбора «меньшего зла», перейти под эгиду фашистской, идущей об руку с Гитлером, Польши. Их поведение лишней раз подтверждало справедливость той характеристики, какую дал в своё время В. И. Ленин партиям II Интернационала: «Социализма на словах, шовинизма на деле, прикрытие лозунгом «защиты отечества» защиты грабительских интересов «своей» национальной буржуазии»⁷⁹.

Не удивительно, что санационная печать в дни сентябрьского кризиса писала: «С гордостью мы можем сказать, что все, безотносительно к различиям, все без исключения находятся сегодня в общем и сплочённом ряду»⁸⁰. Руководство ППС поддерживало и те империалистические

⁷⁵ См., например, как типичное для лидеров ППС заявление на эту тему одного из главных «вождей» ППС—З. Жулавского («Refleksje», str. 66. Warszawa, 1938).

⁷⁶ См., например, статью Недзялковекого «Политика г. Чемберлена» в «Robotnik» от 21 сентября 1938 года.

⁷⁷ «Robotnik» от 27 сентября 1938 года.

⁷⁸ Там же. 25 сентября 1938 года.

⁷⁹ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 302.

⁸⁰ Цит. по «Gazeta Polska» от 25 сентября 1938 года.

претензии к Чехословакии, которые предъявляло польское правительство после захвата Тешина и Фриштата⁸¹.

Говоря о пособничестве правых социалистов польскому империализму в дни чехословацкой драмы, нельзя обойти молчанием один факт, дружно отмеченный в донесениях местных властей министерству внутренних дел. Из этих донесений видно, что в период лета и осени 1938 г. организации ППС резко свернули массовую работу, даже по сравнению с её обычным масштабом, ограниченным оппортунистическим характером партий. Донесения-бюллетени воеводств за эти месяцы в разделе «Деятельность ППС», как правило, отмечали: «ППС никакой деятельности не проводила»⁸². Некоторые замечания в донесениях полиции и приведённая выше характеристика линии правых социалистов в чехословацком вопросе позволяют раскрыть причины этой, на первый взгляд поразительной, апатии «социалистической» партии в период, когда страна и вся Европа жили в небывалом напряжении.

Главной причиной отмеченного явления была боязнь руководства ППС созывать рабочих и встречаться с ними, ибо передовая часть рабочего класса Польши осуждала поведение лидеров ППС в чехословацком вопросе. В самой ППС значительная часть рядовых членов партии не приняла «Тешинской победы». Нередко трибуну собраний ППС использовали левые социалисты и коммунисты для критики действий правительства и внешнеполитической линии ППС. Пренебрегая опасностью, они указывали на необходимость противопоставить германской угрозе польско-советское сближение. Например, на конференции, созданной ППС и Бундом в Белостоке 5 октября, против докладчика, позволившего себе наряду с восхвалением «мирной» «Тешинской победы» антисоветские заявления, резко выступила участница конференции Гурвич, заявившая, что «СССР является единственным государством, где господствует подлинная демократия». Её поддержала другая участница конференции, которой председательствовавший не дал закончить речь⁸³. Избегая созыва собраний, лидеры ППС стремились предупредить критику как по своему адресу, так и по адресу правительства, которому они сознательно старались облегчить «Тешинскую победу».

Лидеры ППС боялись рабочих собраний и по другой причине. Классовая борьба в стране всё обострялась. Чрезвычайные расходы, вызванные авантюристской внешней политикой, санация перекадывала на плечи трудящихся⁸⁴. Число безработных, всё возрастая, превысило, по официальным данным, к концу 1938 г. полмиллиона, а фактически составляло более двух миллионов. Не удивительно, что рабочие собрания обычно превращались в антифашистские и антиправительственные демонстрации и зачастую заканчивались конфликтами с местными органами власти. Руководство ППС, державшее курс на соглашение с санацией, мечтавшее о том, чтобы своими победами на предстоящих муниципальных выборах вынудить пилсудчиков привлечь социалистов к управлению страной, стремилось всячески избегать поводов для ухудшения

⁸¹ См. статью Недзялковского в «Nowy głos Przemyski» от 9 октября 1938 года.

⁸² Мы располагаем донесениями за июль — октябрь 1938 года Вольнского, Белостокского, Краковского, Львовского, Станиславского, Келешкого, Тарнопольского и Новоградского, т. е. восточных воеводств (СОА, ф. 2, дела SPP-22(tj)38; SPP-38(tj)38), но совпадение в данном случае не может быть объяснено случайностью.

⁸³ Донесение Белостокского воеводства за октябрь 1938 года. СОА, ф. 2, д. SPP-22(tj)38.

⁸⁴ В сентябре 1938 г. в прямой связи с затратами, связанными с наступлением на Чехословакию, денежное обращение в Польше достигло самого высокого уровня в истории республики — 2 млрд. злотых (против 1659 млн. злотых в среднем за 1938 г. и ещё более низкого в предшествующие годы). Пассивное сальдо внешней торговли также было в 1938 г. рекордным (115 млн. злотых против 58,5 млн. в 1937 г. и активного сальдо в предшествующие годы). См. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 6 за 1939 г., стр. 141—142.

отношений с правительством, тем более, что полицейские репрессии властей всё возрастали.

В целом ряде полицейских донесений мы находим подтверждение того, что свёртывание массовой работы ППС объяснялось тем, что лидеры партии были поглощены подготовкой к выборам и заботой о том, чтобы не допустить проникновения в ППС коммунистов, наплыв которых ожидался в связи с роспуском КПП. ЦК Бунда циркуляром от 21 июля 1938 г. вообще запретил приём новых членов в партию, чтобы в неё не проникли коммунисты⁸⁵. Эти разъяснения полиции проливают свет на вопрос о том, куда была направлена энергия ППС и Бунда в то время, когда решалась судьба Чехословакии, а с нею судьба мира и прежде всего Польши.

Итак, политика польского правительства в чехословацком вопросе нашла практическое признание и поддержку не только оппозиционных кругов буржуазии, но и реакционного руководства «левых», мелкобуржуазных партий.

Большие затруднения для польского правительства в связи с мюнхенскими событиями сложились на восточных кресах, в отношениях с местным населением. Движение среди украинцев и белоруссов развивалось в двух направлениях. С одной стороны, оживилась надежда беднейшего крестьянства на воссоединение с родиной — УССР и БССР. «Среди украинцев снова поднимают голову советофильские настроения», — писал польский официоз⁸⁶. Среди белоруссов, сообщало Новогрудское воеводство министерству внутренних дел в обзоре за октябрь 1938 г.⁸⁷, появились разговоры о том, что следует, согласно принципу самоопределения наций, требовать воссоединения с СССР.

Всякую деятельность, похожую на национально-освободительное движение, власти относили к «коммунистической», а населённые пункты, где проявлялись симпатии к СССР, объявляли «заражёнными коммунизмом». В этой сознательной фальсификации отражалась, однако, та истина, что коммунистическое движение на кресах тесно переплеталось с национально-освободительным. Компартии Западной Украины и Западной Белоруссии до их роспуска были единственными партиями, борющимися за воссоединение края с его советской родиной. Поэтому донесения министерству внутренних дел «о коммунистическом движении» на местах летом 1938 г., собранные кресовыми воеводами от уездных властей, дают хотя и косвенные, но довольно выразительные данные о политических настроениях населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Из этих донесений встаёт картина величайшей жизненности и глубокой, неискоренимой связи коммунистического движения с трудящимися массами украинского и белорусского, а также и польского населения края.

В июле 1938 г., когда КПП уже находилась в периоде самоликвидации и свирепствовали аресты, которыми санация рассчитывала добить коммунистическое движение, воевода сообщал министерству внутренних дел о коммунистической деятельности на Волини: районные комитеты компартии (и комсомола) были во всех уездах, и большинство из них ещё продолжает работать. «Обезврежено» за первую половину 1938 г. около 1100 коммунистов, на свободе находится ещё 2316 из числа известных полиции. Состав многих комитетов партии и комсомола остаётся неизвестным. Коммунисты на 50—100 процентов держат в своих руках хаты-читальни «Просвіта» и кружки сельской молодёжи, имеют значительное влияние в ППСовских профсоюзах, а в городе Ровно — даже в профсоюзах пилсудчиков⁸⁸. Староста уезда Косов Гуцульский сообщал Станиславскому воеводству, что из 40 общин 10 в уезде

⁸⁵ СОА, ф. 2, д. PP-1(tj)39, л. 237.

⁸⁶ «Gazeta Polska» от 1 апреля 1938 года.

⁸⁷ СОА, ф. 2, д. № SPP-88(tj)38.

⁸⁸ Там же.

«населены на 60 процентов сторонниками компартии». «В городских общинах, т. е. в Косове и Кутах, если говорить о рабочем элементе, то он на 60 процентов охвачен влиянием компартии»⁸⁹. О десятках общин, «заражённых» коммунистическим влиянием или «полностью коммунизированными», сообщали старосты и других уездов.

Преследуя коммунистов, санация стремилась в зародыше подавить ту силу, которая могла бы организовать и возглавить стремление широчайших масс украинской и белорусской бедноты к подлинному национальному освобождению.

С другой стороны, серьёзной опасностью для польского государства явилось оживление буржуазно-националистического украинского и (в значительно меньшей степени) белорусского движения. За спиной подымавшегося воинственного украинско-белорусского национализма видна была рука гитлеровской Германии.

В лице Объединения украинских националистов (ОУН)⁹⁰ Гитлер приобрёл орудие, которое с успехом можно было использовать против Польши. Оуновцы, по заданию Берлина, развернули среди польских украинцев широкую пропаганду. Её смысл сводился к тому, что Гитлер «аншлюссом» открыл эру «собрания» наций и в его ближайшие планы входит создание «единой», «самостийной» Украины. Эта пропаганда имела успех среди украинской буржуазии. Начала быстро расти организация Палиева — «Фронт национального единства» (ФЕН), — которая была легальной экспозитурой украинских гитлеровцев в Польше. Вместе с тем в «Украинском национальном демократическом объединении» (УНДО)⁹¹ возникла оппозиция официальному руководству партии. Эта оппозиция всё теснее смыкалась с палиевцами. Она явно грозила овладеть большинством в УНДО. Руководство последней и само было непрочь переметнуться на сторону Гитлера. Стремясь сохранить влияние в партии, лидеры УНДО решили выдвинуть перед польским правительством требование территориальной автономии для Западной Украины, о котором они ранее молчали ради «нормализации» отношений с Варшавой. Решение о предъявлении этого требования было принято на съезде УНДО в мае 1938 года.

Когда в ходе чехословацкой драмы вырисовалась перспектива образования «автономной» Карпатской Украины, акции палиевцев и ОУН начали быстро полыхаться. К октябрю 1938 г. Палиев нелегально переправил в помощь «вождю» ОУН Мельнику⁹² в Закарпатскую Украину около 2000 оуновцев из украинских областей Польши⁹³.

Активизация украинских националистов и новый курс УНДО были встречены правящими классами Польши в штыки. Польское правительство начало борьбу с бегством украинских националистов за границу и аресты оуновцев. Эти мероприятия сопровождалось походом на украинское население в целом, новыми широкими репрессиями против украинской школы, церкви, культурно-просветительных и других организаций.

⁸⁹ СГА, ф. 2, д. № SPB-5(tj)38.

⁹⁰ Подпольная организация петлюровских и других активнейших элементов украинской белогардейщины. Руководитель её петлюровский полковник Коновалец в 1933 г. лично вступил с Гитлером в соглашение, которое предусматривало совместную подготовку похода на СССР и создание украинского государства, полностью зависящего от Германии. ОУН стала отделом гестапо и по заданию последнего вела разведывательную и подрывную деятельность в СССР, Польше и Чехословакии.

⁹¹ Основная партия украинской буржуазии, кулачества.

⁹² Сменил Коновальца, убитого в мае 1938 г. одним из оуновцев. Одновременно занял место Коновальца и в гестапо под агентурной кличкой «консул». Ныне со своими бандами, сражавшимися под знамёнами Гитлера, орудует под защитой и при всесторонней помощи англо-американских оккупационных властей в Западной Европе. См. выступление советского делегата в Генеральной Ассамблее ООН. «Правда» от 3 ноября 1947 года.

⁹³ ЛОА, ф. 1. 1938 г., оп. 1, л. 2.

Однако репрессии лишь накаляли обстановку и создавали украинским гитлеровцам благоприятные условия для пропаганды. Этому способствовало ещё то обстоятельство, что польское правительство категорически отвергало даже обсуждение вопроса о территориальной автономии для украинцев.

Итак, пилсудчики не разрешили с помощью «Тешинской победы» ни одного из экономических и внутриполитических противоречий, разъедавших Польшу. Больше того, эти противоречия намного усилились.

«Тешинская победа», которую санация рассматривала как триумф своей политики, была в действительности величайшим поражением Польши. В результате «Тешинской победы» оказалось под угрозой самое существование польского государства и польской нации. Санация помогла германскому фашизму захватить выгодные стратегические позиции для окружения, а затем и разгрома Польши. Вместе с тем санационная клика, поддержав мюнхенский антисоветский сговор Германии, Англии, Франции и Италии, сознательно пошла на дальнейшее ухудшение отношений Польши с Советским Союзом.

В ходе чехословацких событий и после «Мюнхена» антигитлеровское движение и антинемецкие настроения в Польше росли с особой быстротой. Антинемецкие настроения «особенно непрерывно нарастают со времени сентябрьского кризиса прошлого года», — отмечал германский генеральный консул в Познани и в своём донесении германскому министерству иностранных дел от 31 марта 1939 года⁹⁴.

Всё возрастающее сопротивление народа предательской внешней политике санации было самым значительным явлением внутриполитической жизни Польши, порождённым мюнхенскими событиями 1938 года. Это сопротивление, однако, оказалось недостаточным, чтобы смести фашистский режим и покончить с антинациональной внешней политикой санации, ибо в стране не было организованной партии, которая бы указывала правильный путь народу и возглавила его борьбу против фашизма и капиталистического строя в целом. Правые же социалисты и кулацкие лидеры крестьянской партии, прикрываясь демократической фразеологией, предавали народ и спасали насквозь прогнивший буржуазно-помещичий строй от краха. За это предательство польский народ заплатил национальным поражением 1939 г. и неслыханными страданиями под пятой гитлеровских оккупантов.

Польский народ извлёк из своей истории должные уроки. Он избежал от тех, кто привёл его к «Тешинской победе», а затем к сентябрьскому поражению. «Современной демократической Польшей руководят выдающиеся люди. Они доказали на деле, что умеют защищать интересы и достоинство своей родины так, как не умели это делать их предшественники»⁹⁵.

Новая, демократическая Польша, опирающаяся на союз и дружбу с СССР и другими славянскими странами, перестала быть игрушкой в руках отечественных и иностранных империалистов. Именно это обстоятельство навлекает на Польшу гнев англо-американских империалистов — новых претендентов на мировое господство, охотников хозяйничать в чужих странах. Этот бессильный гнев лишний раз показывает, что польский народ шагает по верному пути.

⁹⁴ «Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges». Auswärtiges Amt, № 2, S. 239.

⁹⁵ И. В. Сталин «Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля», стр. 8. М. 1946.